

Метаязыковые высказывания как сигналы стилистических сдвигов: к проблеме новых методов исследования

ИРИНА Т. ВЕПРЕВА
(Екатеринбург)

Русский язык современной России в 21 веке переживает новое состояние, чутко реагируя на изменения в социуме. Если говорить о нормативно-стилистической системе современного русского языка, то ученые отмечают в ней явные стилистические сдвиги. С одной стороны, отмечается общий процесс, ведущий к стилистической сниженности речи, проявляющийся в отказе от прежней официозности, усилении разговорной струи и экспрессивной составляющей текста. Либерализация стилистических норм литературного языка привела к чрезмерному и часто неумеренному употреблению сниженной лексики: просторечной, жаргонной и арготической, грубо вульгарной.

С другой стороны, стилистическое понижение сопровождается центробежным процессом, следствием которого является вымывание высокого стилистического яруса. Пропорциональные стилистические отношения между разнородными языковыми стихиями разграничивались в соответствии со знаменитой ломоносовской теорией «трех штилей». Система трехстилевых уровней языка способствовала постоянному созданию новых средств «среднего» стиля. Экспансия разговорности в литературном языке привела фактически к утрате высокого стиля, в результате которой трехстилевая система сократилась до двухмерной (см.: Колесов 1999: 142). Ироническое отношение к высокому стилю поднимает средний стиль до высокого, а средний, включающий нейтральные языковые средства, которые составляют основу кодифицированного литературного языка, стал заполняться сниженной лексикой. Так произошел, по мнению В.В. Колесова, процесс смещения стилистических уровней языка.

Лингвисты в своих работах активно обращаются к описанию данного процесса. Но кроме ученых эти подвижки ощущает и рядовой образованный носитель языка. Нормативно-стилистическая система языка — это та его область, которая непосредственно связана с сознательно-культурным началом в языке. Стабильность системы должна обеспечиваться движением в оптимальных пределах. Резкие отступления от норм, нарушающие относительно подвижное равновесие, активизируют отрицательную оценочную деятельность современных носителей языка по поводу этих нарушений.

Рефлексивная деятельность языкового общества, проявляющаяся как аксиологическая реакция носителя языка на ненормативное вхождение в литературный язык сниженной лексики, как боязнь употребления высоких слов, свидетельствует о динамике нормы в рамках синхронной системы языка. Метаязыковая способность языковой личности вербально реагировать на стилистически маркированную единицу, включаемую в текст, интенсивно проявляет себя в современной публицистике. Корпус метаязыковых высказываний представляет собой естественно складывающуюся диагностическую базу данных, определенный набор речевых сигналов, которые свидетельствуют о тех или иных активных языковых процессах в современном русском языке, а также фиксируют направление этих процессов. Рефлексивные высказывания в изоляции от текстов, в которых они употребляются, образуют особого рода дискурс, ограждающий формирование стилистических норм нового времени. Именно в этом видится вспомогательная методологическая роль метаязыковых оценок.

Объектом нашего исследования являются метаязыковые высказывания, которые относятся к стилистической критике уместности / неуместности употребления слова, свидетельствующей о размывании границ функциональных стилей и расшатывании литературной нормы.

Дифференциация современного социума по культурно-речевой эрудиции позволяет выделить носителей элитарной и среднелитературной речевой культуры, для которых слово является «поступком в личной жизни» (Г. О. Винокур). Безусловно, именно в речи этих людей отражаются живые стилистические процессы современного языка. Этому способствует свобода образованного человека к творчеству выражения, которое обнаруживается «в стремлении не быть вполне нормативным и не быть неправильным» (Степанов 1997: 718). И здесь на первое место выступает такой фактор языковой нормы, как языковой вкус (целесообразность, мера), проявляющийся, кроме всего прочего, в осторожном вводе «сильной» лексики, в

постоянном ощущении тонкости границ допустимого диапазона, в стремлении не выйти за пределы «зоны безопасности».

«Избыток чуткости к священному достоинству» языковой нормы (С. Аверинцев) усиливает метаязыковую деятельность говорящего/пишущего, поскольку в предпочтении одного языкового средства другому, в степени осознанности выбора предстает автор рефлексивного высказывания, переживающий степень соответствия/несоответствия определенным нормативно-ценностным представлениям. Смена стилистических стереотипов, изменения в стилистических нормах заставляет говорящего мотивировать свой выбор.

Отметим типы эксплицированных оценок речи, комментирующих стилистический выбор говорящим сниженного слова.

1. Группа метавысказываний. Предпочитая сниженное слово нейтральному, носитель нормативного литературного языка испытывает культурно-речевой дискомфорт. Ему приходится виниться. Говорящий делает попытку изгладить нравственную вину (Верещагин, Костомаров 1999: 9), совершаемую в слове. Выбор грубого (по оценке производителя речи) слова (выражения) в ситуации предполагаемого нормой нейтрального варианта сопровождается формулами извинения: Например: *Потому что нужно ж будет чем-то прикрыть оставшуюся после покупки квартиры в Москве голую, извините, задницу* (“Аргументы и факты”, 30.11.2005); *Про чьи-то, извините, жопы на первой полосе, про светские тусовки или абстрактные аналитические статьи, из которых трудно будет что-либо понять?* (“Независимая Газета”, 03.02.2009); *Когда живешь и думаешь: «Вот у нас, извините, говно, а там...»* (Журнал “ТВ Парк”, Москва; 21.05.2001); *Уверен, эти два народа смогут решить возникшие проблемы, главное, чтобы между ними не было, извините за грубое слово, говнюков-провокаторов, шепчущих гадости на ухо* (Александр Карелин, Трехкратный олимпийский чемпион, доктор педагогических наук, член-корреспондент Петровской Академии наук, “Советский спорт”, 1.08.2008).

Иногда говорящий винится не за грубое, а за ощущаемое как не вполне позволительное в данной официальной ситуации слово: *Жильцы аварийного дома с надеждой ждали окончания строительства, но и здесь нас попросту пытаются, извините за грубое слово, «кинуть»* (“Граница России”, 28.06.2006); *Я буду гнобить, извините за это слово, всех, кто вносит дестабилизацию в обстановку в городе!* (Сергей Азаров, глава администрации Игарки, “Красноярский рабочий”, 12.03.2009); *Зато они в совершен-*

стве овладели искусством рекламировать и впаривать, извините за это слово, доверчивым пациентам свое лечение, после которого болезни только прогрессируют (Сергей Алексеенко. руководитель департамента здравоохранения Краснодарского края, “Кубань Сегодня” (Краснодар) 24.01.2008).

Чаще всего метаоператоры представляют собой этикетные клише, готовые формулы (*извините, простите за ...*), вводимые в текст при употреблении табуированной лексики. Парадокс заключается в том, что, извиняясь, говорящий тем не менее употребляет ненормативную лексику. Метавысказывание при этом сигнализирует о выборе эмоционально-экспрессивного варианта как предпочтительного, прямо выражающего отношение автора речи к обозначаемому, о начале процесса детабуизации сниженного слова. Поддерживает процесс активного вхождения в язык сниженной лексики употребление данного пласта лексики без метаязыковых поддержек. Например: *Конечно, прямое назначение женщины – дети. Карьера по сравнению с этим, извините за грубое слово, фигня. Карьера нудрит мозги многим женщинам* (Надежда Викторовна Шотт, магистр народной медицины, академик энергоинформационных наук; “Московская правда” / “Зазеркалье” N 03.03.2007); *В прошлом месте мы «накрыли» (извините за это слово) ночлежку граждан, незаконно проживающих на территории области. И ни где-нибудь, а в Переделкине. Четыреста иностранных рабочих вкалывали на объектах города Москвы, а в Подмосковье жили* (Борис Всеволодович Громов, губернатор Московской области, “Волхонка” [Ногинск], 1.08.2002).

О вытеснении среднего стиля низким, вульгарным как о процессе, практически завершившимся, свидетельствуют количественные данные, собранные с помощью поисковой системы Интегрум. На базе 2766 источников русскоязычных СМИ (центральных и региональных) был подведен подсчет употреблений ряда грубых слов, таких как *говно, жопа, задница* и др. за последнее десятилетие: с 2001 по 2010 г. Выборка материала дала следующие результаты: *говно* – 5085 употреблений, из них с метаязыковым вводом *извините...* – 11 употреблений; *жопа* – 4689 употреблений, из них с метаязыковым вводом *извините...* – 19 употреблений; *задница* – 19 070 употреблений, из них с метаязыковым вводом *извините...* – 99 употреблений.

В стилистическом общении образованных людей усилилась тенденция употреблять слова низкого стиля в неуместной для этих слов ситуации. Приведем два ярких примера. Один – цитата из речи президента России на Мировом политическом форуме «Современное государство: стандарты

демократии и критерии эффективности». 10 сентября 2010 г., на второй день работы форума, Дмитрий Медведев обозначил свое отношение ко многим важнейшим проблемам России и задачам, стоящим перед страной: *Тот, кто говорит, что мы находимся в тоталитарной системе, тот или лукавит, или у него хреновая память.*

Вторая цитата из статьи известного критика, обозревателя «Литературной газеты» Льва Васильевича Пирогова *Постмодернизм и национальная идентичность* опубликованная в литературно-философском журнале «Топос» (15.05.02). Обратите внимание на манеру изложения его критических соображений по поводу научной публикации литературоведа Марка Липовецкого. Мы приводим два отрывка из его статьи:

Возвратившись в так называемое «домой», с нечеловеческим удовольствием прочел статью Липовецкого в майском «Знамени». [...] Липовецкий там гениально предугадал батальную шнягу с Упромыслами и Петюками – гениально предугадал и гениально же подытожил. Одно лишь режет печалью глаз: он окончательно утвердился в поле немодных академических штудий: верность постмодернизму его подвела. Будет теперь постмодернизм вроде куры с яйками: сверху на живом **жопой**. Я-то бы, конечно, хотел, чтобы всякое слово о новых грелось от иных брендов... **Ну да фигня**. Постмодернизмов было два, пишет Липовецкий пополам со своим голландским **подельником**. Ранний представлял собою «бурю и натиск». Это когда хуй **проссышь и все матерятся**, потому что «мир как текст». Поздний постмодернизм, наученный горьким опытом **пиздюлей**, научился допускать наличие вне текста некоей «референциальной реальности», которая, может, и ноуменальна, но изредка сигнализирует о себе.

[...] Понятно, что для того, чтобы обрасти ракушками мирового опыта, надобно включиться в мировой же контекст. А туда **не берут на шару**, как в НАТО. Туда можно вступить, только изумив мировой контекст какой-нибудь национально-культурной идентичностью. То, что в свое время не удалось Пушкину (хоть он и был хороший), удалось Лермонтову, одному из первых протопостмодернистов. Именно он заразил европейских мозгов бродила, но вот дистиллировать смог только он - в образе «лишнего человека». Ведь весь постмодернизм был последовательной и упорной разработкой мысли о том, что человек – лишний.

Подобный «отвязный стиль» внутри интеллигентской среды существует давно, в советское время он представлял собой своеобразное языковое сопротивление существующему официозу, а сегодня эта эпатажная форма языкового существования смыкается с общей тенденцией к стилистической сниженности речи.

2. Группа метавысказываний. Говорящий, сопротивляясь бурной стихии просторечной и жаргонной лексики, чаще всего мотивирует выбор единицы социально ограниченного употребления отсылкой к коллективной точке зрения, «прячется» за чужую речь. Чтобы не стать жертвой дурновкусия, носитель литературного языка свою свободу в стилистическом аспекте реализует в совмещении своей и чужой речи. Например: *Меня, как сейчас говорят, подставили, поручив исполнить этот портрет* (“Аргументы и факты”, 08.05.2001); *К тому же наша страна стоит на перепутье: что-то мы берём от Запада, а что-то – как сейчас говорят, дикий беспредел – от Азии* (“Аргументы и факты”, 11.04.2007); *Даже когда они сочиняли развлекательную музыку, у каждого была задача сделать так, чтобы слушатель развивался, а не просто получал сиюминутное удовольствие, как сейчас говорят, «оттянулся», «поколбасился»* (“Аргументы и Факты”, 24.03.2010); *И дяденька, как сейчас говорят, «попал на бабки»* (“Вечерняя Москва”, 24.05.2005); *Их могли бы, как сейчас говорят, отмазать, но они отправились добровольцами и почти все погибли* (“Вечерняя Москва”, 13.11.2009); *После чего, как теперь выражаются, «завязал», к картам не прикасался* (МК, 23.10.2008).

Ориентация на чужое слово, выраженная в метавысказывании, имеет определенный подтекст, говорящий как бы говорит: «Я прекрасно знаю, что, применяя данное языковое средство, я рискую подвергнуться осуждению за то, что употребил нелитературное выражение. Учítывая это, я принимаю меры предосторожности, предупреждаю критику по моему адресу, ввожу формулу: “как говорят...”. Теперь всем ясно, что это выражение не свойственно моему лексикону, а если я и употребляю его, то только потому, что оно весьма выразительно и подходит к тому, что я хотел сказать; но при этом я отдаю себе полный отчет в характере данного выражения, если хотите, я его цитирую» (Шварцкопф 1970: 293).

К этой же группе можно присоединить метаязыковые высказывания, которые комментируют слова с функционально-стилевой окрашенностью ссылкой на чужое авторитетное слово: *Для другого, к примеру, психотерапевта, «деньги – говно»? это я Фрейда цитирую* (“Комсомольская правда” 02. 2009); *Как в жизни: полоса говна – полоса повидла. Так говорит Табаков* (МК, 12. 2008).

Аргументацией употребления сниженного слова, представленной в рефлексиве, может быть ссылка на частотность употребления единицы («все так говорят»), ссылка на языковую моду. Адресант через рефлексив «все так

говорят» реализует позицию активного носителя языка — «такого, как все», речевой опыт которого свидетельствует о высокой употребительности нелитературного варианта. Подобные рефлексивы демонстрируют готовность говорящего усмотреть возможность разных взглядов людей на одну и ту же ситуацию, на одно и то же слово, подчеркивают свободу говорящего в стилистическом выборе. Они свидетельствуют о взгляде на обычное, привычное как хорошее и правильное.

Стилистическое понижение сопровождается центробежным процессом, следствием которого является вымывание высокого стилистического яруса. Современный речевой быт обнаруживает двойственное отношение к высокому стилю. «В бытовой речи нам присуща боязнь громких слов» (Колесов 1998: 216). Мы избегаем их, так как хотим сохранить высокие слова для тех моментов, когда они окажутся уместными в речи. Отсюда все метаязыковые высказывания, в которых комментируется употребление высоких, с точки зрения автора речи, слов, отмечают необходимость осторожного обращения с ними: *Не хочется произносить громких слов в адрес фигуристки, хотя они более чем уместны* (“*Время новостей*”, 21.03.2005); *Не хочется говорить пафосных слов, но Борис Владимирович был рыцарь театра* (“*Газета*” (Москва), 04.12.2002); *Впрочем, я боюсь пафосных слов, говоря о ней* (“*Газета*” (Москва); 18.09.2007); *Я изучил период биографии своего героя, о котором мало известно широкому кругу, и, простите за пафосные слова, взял боль героя на себя* (“*Тудок*”, 24.04.2007); *Мне не хочется произносить здесь пафосные слова. Скажу так: это просто большая часть моей жизни и творческая работа, которую я очень люблю* (Н.Сванидзе, “*Журналист*”, 16.04.2002); *Не побоюсь высоких слов и скажу: словно свежая струя кислорода влилась в мою кровь после прочтения первых же номеров* (“*Ветеран*”, 16.05.2006); *Простите меня за это высокое слово* (“*Аргументы и факты*”, 07.11.2001); *Высокие слова у нас обесценены, но тем не менее есть среди нас люди, которым не чужды такие понятия, как «долг», «верность», «совесть»* (“*Ветеран*”, 06.11.2007).

Неприятно пафосной лексики способствует предшествующий лингвокультурный период, который характеризовался расхождением между официальным и неофициальным языком. Официальный язык советской эпохи со своим набором речевых стереотипов, использующих высокую лексику, занял нишу высокого стиля: он звал в бой, грубил о небывалых достижениях народа, культивировал путь к сияющему идеалу. Носитель русского языка советского времени был двуличен. В рамках делового

официального общения он оперировал набором принятых выражений и в то же время в дружеском общении он высмеивал свои слова и речевые поступки (Руденко 1995: 26). Отторжение официального языка как языка лжи автоматически отторгает и пафосную лексику. Вымывание высокого стиля – это своеобразная реакция на советский официоз, лжевысокий стиль тоталитарного времени.

Высокие слова приобретают характеристику тривиальных слов, лишенных оригинальности, в качестве иллюстрации приведем типовую сочетаемость со словосочетаниями *пафосное/высокое слово*: *банальные и пафосные слова; пустые пафосные слова; общие пафосные слова; инфантильно-пафосные слова*. Одним из оснований для негативно окрашенного эмоционально-оценочного фона высоких слов является противоречие между высоким статусом слова и его лживым содержанием: *фальшивое пафосное слово; льстивые и пафосные слова; сплошная фальшь, сплошная ложь, все эти высокие слова; доходчивые, простые, а не высокие слова; не пустые пафосные слова, это истина*. За маской высокого слова могут скрываться неблагоприятные поступки: *Прикрываясь высокими словами о науке, коммерческие кладоискатели все энергичнее ищут подводные сокровища* (“Время новостей”, 26.06.2008).

Анализируемый массив метаязыковых высказываний позволяет говорить о противопоставлении семантической опустошенного высокого слова реальному действенному поступку, например: *Здесь помогают людям без пафосных слов, ведь выход из затруднительной ситуации начинается не с пафосных слов о переустройстве вселенной, а как раз с бытовых мелочей, которых в данной конкретной ситуации, быть может, и не хватает для простого семейного уюта и человеческого счастья* (“Вечерняя Москва”, 29.07.2010); *Несовпадение пафосных слов из телевизора с реальностью, которое пока раздражает только интеллектуалов, может взбесить и широкие слои населения* (“Московский Комсомолец”, 27.08.2009); *Наши программы – не набор пафосных слов, а конкретные решения* (“Русский курьер” 05.12.2003); *Проект «Восточного партнерства» не ограничивается высокими словами об общих ценностях, а предполагает также увеличение финансовой помощи шести постсоветским странам* (“Время новостей”, 11.12.2008); *В России дело идет, когда уходишь от высоких слов и начинаешь работать практически* (“Журналист”, 16.08.2004).

Альтернативой употреблению слов высокого стиля может быть ситуация умолчания: *Для капитана 1 ранга Владимира Завгороднего это не пафосные слова, а смысл службы и жизни, о которых не принято говорить* (“Граница России”, 22.10.2008); *Сегодня мне много людей говорили о героизме, подвиге. Не стоит произносить такие пафосные слова* (“Гудок”, 18.12.2003); *В канун Дня Победы эта компания задумала красочной открыткой поздравить ветеранов с волнующим их праздником. Обошлись без пафосных слов и излишних деталей – на открытке изображены три ветерана, в парадных кителях, сверкающих орденами и медалями. Слова лаконичны: «9 Мая День Победы!»* (“Деловой вторник”, 08.05.2007).

Часто говорящий подчеркивает преимущество нейтральной лексики перед высокой: *Но мне очень нравятся стихи Танича: они написаны доходчивыми, простыми, а не пафосными словами* (“Русский курьер”, 21.10.2004). Ироническое отношение к высокому стилю, существующее у носителей языка, заставляет авторов при употреблении высоких слов комментировать свой выбор: *Его работу по восстановлению преданных забвению фактов как-то неловко называть пафосным словом «подвиг», но ведь и в самом деле ничем иным его многолетний труд (изучение архивов Красного Креста, встречи с оставшимися в живых, записи бесед) не назовешь* (“Итоги”, 30.01.2006); *Да, творчество – это пафосное слово. Не боимся этого слова! Именно за счет пафоса и существует все настоящее. Без греющего пламени пафоса нет хорошей литературы, нет искусства, нет социальных побед, даже нет скачков в экономике. Творчество всегда согрето пафосом* (“Независимая газета”, 22.12.2005); *У Розова была, в числе прочих, особая миссия (боюсь его насмешки над этим пафосным словом, но как скажешь иначе?): соединять берега* (“Экран и сцена”, 03.09.2003).

Отрицательная оценка высокого слова возможна в рефлексивном высказывании тогда, когда говорящий чувствует, что они неуместны в данной ситуации или «не соответствуют тому явлению, которое они обозначают в данном контексте» (Чернейко 1990: 78): *Вы сейчас собой гордитесь? – Да нет, это слишком пафосное слово. Рада, удовлетворена... Знаете, я вот сейчас думаю: а может, мне просто повезло?* (“Новые известия” (Москва), 11.08.2006).

Характерно, что слова, воспринимаемые как высокие, часто оказываются стилистически нейтральными. Они приобретают в речи коммуниканта признаки высокого слова по разным, чаще всего фоновым, критериям. Во-первых, ощущение высокого стиля задано канонами советской

идеологии, предполагающей сакрализацию известных, социально значимых понятий из сферы высоких чувств и принципов, обозначающих такие ценностные категории абстрактного характера, как *свобода, равенство, долг, любовь к родине, патриотизм, творчество*. Во-вторых, ощущение высокого задано традицией, в соответствии с которой сферы эмоций и морали относятся к высоким духовным ценностям (*доброта, любовь, счастье, гениальность, добро, зло, трудолюбие, меценатство*). В-третьих, ощущение высокого задано культурной традицией, в соответствии с которой творческий труд оценивается как высокое достижение «чистого» духа (*творчество, искусство, талант, творческая индивидуальность*). Это относится также к характеристикам человека, высоко оценивающим его с личностной или профессиональной точки зрения: *патриот, гений, революционер, композитор, поэт, звезда, мастер, герой, деятель*. Обсуждение данных престижных понятий в обыденной речи приобретает особый характер в силу своей неординарности: с одной стороны, в качестве общих абстрактных слов они воспринимаются как нейтральные; с другой стороны — как пафосные, поэтому в контексте повседневной речи они могут приобретать окказионально высокую стилистическую окраску: *Я побиваюсь таких пафосных слов и понятий, как патриотизм* (“Аргументы и Факты”, 22.10.2008); *И даже стеснялись пафосного слова «поэт»* (“Арион” 15.01.2006); *Современных писателей знают плохо или не знают вообще, поэтому считаю передачу вполне просветительской. Нравится кому-то это пафосное слово или нет, меня не волнует* (“Известия”, 28.08.2002); *Затем необходимо отметить – не могу подобрать менее пафосного слова – мудрость Зингера* (“Иностранная литература” 15.06.2009); *И целью своей деятельности (не хочу пафосного слова «миссия») сделал содействие инновационному развитию* (“Комсомольская правда” 28.03.2008); *В общем, было сказано много пафосных слов, среди которых первое место занимало «предательство»* (“Континент”, 15.07.2006).

Анализ метаязыковых высказываний показывает, что для современной речи характерна усиленная модализация сообщения: речь изобилует большим количеством метаязыковых оценок в связи с нормативно-стилистическим выбором единиц, поскольку нормативно-стилистические качества речи — это то, на что люди обращают внимание в первую очередь. Покушение на стилистический узус носители языка воспринимают как событие, меняющее весь язык. Метаязыковые высказывания отражают сдвиги в общей стилистической структуре русского языка новейшего вре-

мени: изменение стилистической принадлежности единиц, развитие стилиевой диффузии, изменение вкусового отношения к стилистическим сферам сниженной и высокой лексики. Они, маркируя естественно складывающийся, меняющийся стилистический узус, являются основой новой методики анализа стилистического материала, дополняющей традиционные методы.

Литература

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., 1999, *В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик*. Москва.
- Колесов В.В., 1998, *Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра*, Санкт-Петербург.
- Колесов В.В., 1999, *«Жизнь происходит от слова...»*, Санкт-Петербург.
- Руденко В.Н., 1995, *Мертвые термины: язык периода «застоя» как средство идеологической техники и социальной терапии*, "Социемы", № 4, Екатеринбург.
- Степанов Ю.С., 1997, *Константы: Словарь русской культуры*, Москва.
- Чернейко Л.О., 1990, *Оценка в знаке и знак в оценке*, "Филологические науки", № 2.
- Шварцкопф Б. С., 1970, *Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи. – Актуальные проблемы культуры речи*, Москва.

Metalinguistic Utterances as the Stylistic Shifts Signals: About the Problem of the New Research Methods

The article investigates the metalinguistic utterances block as a specific set of speech signals, showing the obvious stylistic shifts and the modern times stylistic norms formation. On the one hand, we can see the common process of stylistic lowering of speech, on the other hand, stylistic lowering is accompanied by disappearing of high stylistic speech. Metalinguistic utterances become the base of the new analysis methodic of stylistic material, complimentary to traditional methods.

Keywords: *metalinguistic utterances, stylistic shifts, stylistic norm.*